

Современная российская ситуация в свете веберовской типологии капитализма

Сегодня, когда мы все чаще слышим разговоры о том, что наши реформы (а, точнее, реформаторы) не достигли тех целей, какие ставили перед собой люди, их намечавшие, а затем и получившие власть, позволившую им приступить к практическому осуществлению своих реформаторских замыслов, вновь и вновь возникает один и тот же вопрос, который логичнее было бы поставить в тот момент, когда эти "новые цели" только еще формулировались. А именно вопрос о теоретически артикулированном (или, как предпочли бы сказать сегодня, "научно отрефлексированном") *смысле* тех самых общих представлений и понятий, с помощью которых эти цели определялись и конкретизировались, очень быстро становясь идеологемами и просто пропагандистскими клише как раз по причине его изначальной неопределенности. (Это был тот самый "брезжущий смысл", который в свое время восславили наши доморощенные структуралисты, противопоставив его декартовскому требованию смысловой "ясности и отчетливости" отправных теоретических понятий.)

Пожалуй, вряд ли кто будет нынче всерьез спорить с тем фактом, что еще в ходе "перестройки", по мере того как перестроечное сознание все дальше ("Дальше, дальше, дальше...", согласно названию одной из перестроечных пьес) заходило в своем радикализме, выдвинулись в центр общественного сознания два ключевых слова, вокруг которых и консолидировалась идеологически и политически наша демократическая общность. Речь идет о словах-лозунгах: "демократия" и "капитализм", которые в период "реформ" (предложенных демократами, пришедшими к власти, вместо "не оправдавшей себя перестройки") поначалу были, что называется, "у всех на слуху". Хотя второе из упомянутых слов — в духе "позднеперестроечных" времен — нередко все еще фигурировало в виде своего рода эвфемизма: "рыночная экономика", "предпринимательство" и т.д., но главное идеологическое преобразование нашего общественного сознания наконец-то совершилось. Вместо диады "социализм и демократия", которая улаживала наш слух в послесталинские десятилетия, прикрывая реальные процессы, происходившие "под ковром" разлагавшегося тоталитаризма (каковой обнаруживал тенденцию "мирного перерастания"

в авторитаризм), мы получили дихотомию "демократия и капитализм". И чем менее серьезно звучала в предперестроечный период для наших ушей упомянутая диада, в которой благие пожелания переплетались с откровенным враньем и беспардонным цинизмом, тем более серьезно воспринималась (во всяком случае, в "раннереформаторский" — назовем его так — период) сменившая его дихотомия.

Два этих слова — "капитализм" и "демократия" — так часто употреблялись вместе, что наша общественность (включая научную, не говоря уже об идеологической и журналистской) приучилась рассматривать их как нечто органически нерасторжимое: "близнецы-братья", если воспользоваться поэтическим оборотом, автоматически всплывающим в нашем сознании. Подлинная демократия — в переводе на язык политической экономии — это и есть капитализм, точно так же, как сам он — в переводе на язык современной политологии — это и есть демократия (и конечно же подлинная). Дальше этих — совершенно бездоказательных, ибо "само собой разумеющихся" — утверждений, превратившихся в незыблемые постулаты, не двигалось (за все время наших реформ) ни идеологическое, ни — что совсем уж прискорбно — научно-теоретическое официальное сознание.

О том, чтобы проанализировать содержание "и", соединяющего капитализм с демократией (или, наоборот, демократию с капитализмом), речь всерьез уже и не могла идти, особенно после того, как дихотомизирующее "и" как-то незаметно для нас превратилось в отождествляющее "есть": А есть Б.

Символом нерасторжимой связи этих двух понятий, автоматически превращавшийся в их тождество, стало третье понятие: "гражданское общество", столь же симпатоматичное как для нашего позднеперестроечного, так и для раннереформистского демократического сознания. Ибо содержанием этого понятия было утверждение *единства* — опять-таки доходящего до тождества — политической *свободы* (демократии) и *свободного* рынка (капитализма). И хотя понятию "гражданское общество" повезло у нас в научно-теоретическом отношении гораздо больше, чем понятию "демократии", а особенно — "капитализма" (не говоря уже о вышеупомянутом "и", сопрягающим первое понятие со вторым), поскольку гражданскому обществу было посвящено немало специальных исследований, появившихся в последние годы, — его роль "утешителя" и "примирителя" в нашем идеологизированном сознании остается прежней. Мастодонты радикал-демократии (причем не только из среды идеологов-публицистов, но и из среды теоретиков, специализированных в области политэкономии) по-прежнему апеллируют к понятию "гражданского общества", спеша с его помощью задраить щель, раскалывающую то самое "и", которое должно было "сливать воедино" демократию и капитализм вопреки очевидной дихотомичности этих двух перекрещивающихся и пересекающихся понятий.

А между тем о дихотомии, по крайней мере, "дистанцирующей" их друг от друга, говорит, во-первых, тот факт, что сама проблема де-

мократии возникла и конкретизировалась исторически задолго до того, как капитализм (в современном, а вернее, марксистском смысле, в каком употребляют это понятие радикально-демократически ориентированные экономисты) стал решающим фактом истории Нового времени. Во-вторых, тот факт, что само понятие "гражданского общества" возникло и откристаллизовалось лишь в эту эпоху, тогда как практически-политическая и философски-теоретическая проблематика демократии имела к тому времени, если говорить о европейской культуре, едва ли не два тысячелетия за своими плечами. Наконец, тот факт, что в момент своего возникновения и кристаллизации — в концепциях Гоббса и Локка — понятие "гражданского общества" оказалось в двух диаметрально противоположных отношениях к понятию демократии: негативном у первого и позитивном у второго. Мы уже не говорим о последующей эволюции теоретического содержания понятия "гражданского общества", когда оно, борясь за особый статус политэкономического или социологического понятия, утверждало свой научный "суверенитет" вообще "по ту сторону" всякой политики и права и таким образом утрачивало преимущественную связь с проблематикой демократии. Однако тем более остро встает вопрос об отношении понятия "гражданского общества", еще не "разгруженного" от (по крайней мере, теоретически непроясненной) его связи с проблемой политической демократии, к понятию "капитализма", и прежде всего о *самом этом "капитализме"*.

Нетрудно заметить, что это понятие употребляется не только нашими публицистами, но и экономистами-теоретиками в традиционно- (я бы даже сказал — догматически) *-марксистском* смысле, — и это несмотря на явное стремление откеститься, или, по крайней мере, "дистанцироваться" от него, отстаивая свое либерально-демократическое свободомыслие. Правда, в соответствии с новым духом времени здесь появился само собой разумеющийся нюанс, который, впрочем, не меняет теоретической сути дела, свидетельствуя лишь об идеологической и политической (но не научной) благонадежности авторов, произносящих, что называется, "всеу" слово капитализм. Там, где Маркс ставил знак "минус", не упуская случая заклеить "капитал, Его Препобабие" (как любили у нас говорить вслед за В.Маяковским), теперь этот знак тщательно переправляют на "плюс", а то и вовсе ставят вместо него экзотически-*восклицательный*, наивно полагая, что из-за этой "переоценки ценностей" (на эмоционально-идеологическом уровне) произойдет переворот, или, по крайней мере, "контрпереворот" (учитывая, что один переворот здесь уже был) *в науке*. А совершить подобную "теоретическую операцию" нашим реформаторам-экономистам было тем легче, что ведь, как известно, и сам "основоположник марксизма" грешил небольшевистской "амбивалентностью" в отношении к капитализму: идеологическая ненависть к нему плохо, а подчас, очень плохо скрывала гегельянский восторг К.Маркса перед его "всемирно-исторической" мощью, заставлявший вспомнить о восторге Гете перед мощью Та-

мерлана, уложившего на алтарь прогресса "мириады жизней", "растоптанных" конями воинственных кочевников.

О том, что речь у наших нынешних радикалов от политэкономии шла вчера, во времена "шоковой терапии", и идет сегодня о *специфически-Марксовом* понимании капитализма, а не о том, какое мы встречаем у Адама Смита и Давида Рикардо, на которых норювим нынче ссылаться (причем опять-таки, скорее по идеологическим, чем по строго научным соображениям), выразительнее всего свидетельствует приверженность наших реформаторски — точнее было бы сказать, *революционистски* — настроенных экономистов *сугубо марксистской* теории "первоначального накопления". Речь идет о своеобразной "ад хок" концепции, навеянной "Утопией" Т.Мора, но отнюдь не идеями "Исследования о природе и причинах богатства народов" и конечно же не рикардианскими "началами политической экономии и налогового обложения". О теории первоначального накопления, с помощью которой К.Маркс хотел "прирастить" к стволу *либеральной* политической экономии (заимствовавшей, как известно, свой основополагающий принцип — идею *труда* как "субстанции" стоимости — у основоположника *классического либерализма* Д.Локка) диаметрально противоположный принцип: *марксистскую теорию насилия* — как "повивальной бабки", стоящей у постели Истории, рождающей новую "общественную формацию".

Напомним, что эта концепция так полюбилась в свое время российским большевикам, что они положили ее в фундамент своей "экономической политики", возведя на нем и "политику индустриализации", и "политику коллективизации". И вот, несмотря на совершенно очевидную чудовищность и кровожадность этой "политики", обнаружившей свою историческую несостоятельность, мы наблюдаем склонность нынешних радикал-экономистов (и даже известных и уважаемых драматургов, у которых обнаружилось вдруг запоздалое "влечение" — "род недуга"? — к ортодоксальному марксистскому "способу мышления") применить эту теорию к нашим, с позволения сказать, "реалиям", пытаться оправдать, что называется, "исторически" те откровенно бандитские способы, какими сколачиваются у нас сегодня мультимиллиардные состояния, поражающие воображение даже самых "видавших виды" из наших западных коллег.

Весь этот уголовный "беспредел", весь этот "экономический" бардак получает благозвучное название "первоначального накопления" капитала, каковой (конечно же!) будет вложен в нашу промышленность, которая "завалит" наш город высокосортными потребительскими товарами, отвечающими "западным стандартам". Как видим, "насильственный элемент", действительно определивший своеобразие марксистской экономической теории, берется сегодня на вооружение учеными и публицистами, убежденными в своем либерализме, однако *фактически* используется — ими же — для оправдания вовсе не либеральных вещей, пахнувших той же самой большой кровью, какой они пахли во времена первых опытов применения

Марксовой "теории первоначального накопления" к нашим "реалиям".

В основе этой — явно запоздалой — любви наших радикальных экономистов к этой специфически-Марксовой теории* лежит, кстати сказать, и нечто более глубокое, чем склонность к историческим *аналогиям* — столь же удобным (для идеологического оправдания происходящего), сколь и поверхностным с теоретической точки зрения**. Речь идет о мировоззренческом "родстве душ", которые оказались одинаково невосприимчивыми к *диссонансу*, образуемому совмещением в теории "первоначального накопления" двух гетерогенных принципов — эволюционистски-прогрессистского и революционистски-активистского, волюнтаристского. Причем оба этих момента (не говоря уж об их "синтезе") находились в противоречии и с подходом того же Адама Смита, на которого мы так любим сегодня ссылаться, уклоняясь от необходимости сослаться на действительно (хотя и "тайный") источник своих экономических воззрений.

Согласно первому из названных принципов, "период первоначального накопления" находится в "естественно-исторической" связи с "эпохой капитализма" — "связь", о которой у Адама Смита не могло быть речи не только потому, что он не испытывал нужды в ссылках на насилие, говоря о "первоначальном накоплении", но и потому, что он в своей экономической теории тяготел скорее к типологизирующему подходу, чем к тому, который впоследствии (уже на рубеже XVIII — XIX вв.) был назван "эволюционным". Что же касается волюнтаристского революционизма с его апелляцией к политическому насилию, то он вообще не был свойствен Адаму Смиту, который строил свою экономическую теорию отнюдь не за счет отказа от "нравственной философии", в центре которой он поставил свою "Теорию нравственных чувств".

Однако наиболее очевидным непреодоленным марксизм наших нынешних приверженцев идеи "капиталистического развития" становится в тот момент, когда мы сопоставляем их понимание капитализма с теми его толкованиями, которые принадлежат *действительно серьезным и последовательным* теоретическим противникам автора "Капитала". Например, с толкованием этого понятия у Макса Вебера — экономиста и социолога, основательно штудировавшего важнейшие работы К.Маркса, признававшего его

* У А.Смита не было такой теории, а был лишь *чисто теоретический* постулат, предполагавший "первоначальное накопление" (источником которого он считал "сбережение", взятое в самом общем виде) как "исходный пункт" капиталистического производства. Как это ни парадоксально, но *теорию* "первоначального накопления" создал именно автор "Капитала", задавшийся вопросом о *внеэкономических* причинах возникновения капитализма как определенной "общественной-экономической" формации, а тем самым вставший перед парадоксальной (для него) проблемой *нетрудовых* источников возникновения стоимости, субстанцией которой он (вслед за А.Смитом) считал труд, и только труд.

*• Не говоря уже о том, что и сама эта "аналогия" проводится с теми "историческими фактами" накопления, "необходимую" связь которых с генезисом *промышленного капитализма* все еще предстоит доказать.

неоспоримые теоретические заслуги, но в то же самое время предлагавшего концепцию капитализма, радикально отличающуюся от Марксовой в аспекте *социологическом*, т.е. именно в том, с каким связывается сегодня *наименее оспоримый* вклад автора "Капитала" в теорию капитализма. Как известно, повод М.Веберу акцентировать отличие своего — социально-философского и экономико-социологического — понимания капитализма от марксистского (отмеченного тем же интересом) неоднократно давал Вернер Зомбарт, его коллега и соредактор по журналу "Архив социальной науки и социальной политики", тяготевший к Марксовому представлению о капитализме и его истории, — о чем он неоднократно говорил и писал, причем не только в полемике со своим соредактором-оппонентом.

Единственное, чем представление В.Зомбарта об *истории* капитализма отличалось от ортодоксально-марксистского, — это стремлением несколько расширить его хронологические рамки (за счет позднего средневековья) и круг европейских предшественников и теоретических "предвосхитителей" (самых отдаленных из них он усматривал в поздней античности). Однако от этого не менялось сколько-нибудь существенно ни его представление о социально-экономической структуре капитализма, остававшееся традиционно марксистским, ни сам способ подхода к его рассмотрению, который оставался, как и в "Капитале", в конце концов все-таки скорее эволюционно-формационным, чем структурно-типологическим (как это было у М.Вебера).

Впрочем, существовал один пункт, в котором В.Зомбарт оказывался тем не менее ближе к своему коллеге и оппоненту, чем к почитаемому им К.Марксу. Этот пункт связан с идеей *исторической уникальности* капитализма как *специфически-западного* "изобретения", откристаллизовавшейся у В.Зомбарта и М.Вебера под влиянием "идиографизма" Баденской школы неокантианства, теоретическим манифестом которой стал фундаментальный трактат студенческого друга М.Вебера — Г.Риккерта "Границы естественно-научного образования понятий. Логическое введение в исторические науки". Однако если В.Зомбарта этот виндельбандовски-риккертовский "идиографизм" лишь утверждал в унаследованном от К.Маркса убеждении в том, что возможен принципиально лишь *один-единственный* "вариант" капитализма, который и мог-то обрести реальность лишь на западно-европейской почве, то для М.Вебера были здесь, что называется, "возможны варианты", исследование каковых и привело его к существенному *расширению* понятия "капитализма вообще" и, наоборот, к радикальному *сужению* понятия "европейского капитализма".

Согласно М.Веберу, и К.Маркс со своей теорией первоначального накопления (впрочем, не только с нею), и в В.Зомбарт со своим стремлением "расширить хронологию" — специфически-европейского капитализма — *спутывали* по крайней мере *два* типологически различных капитализма, принимая их за *один и тот же*. Один из

них, осмысляя который (разумеется, не без далеко идущего влияния классиков английской политической экономии), К.Маркс и разработал свое эволюционно-генетически истолкованное, теоретическое представление о капитализме, каковое В.Зомбарт попытался истолковать идиографически — как уникальное явление западной цивилизации, а не как необходимый этап "естественно-исторического" прогресса поступательно движущегося человечества. И другой капитализм, который не совпадает с тем, какой *на самом деле* имел в виду К.Маркс, ни хронологически, ни географически. Хотя, разумеется, обе эти *типологически различные структуры* могут пересекаться в тех или иных "точках" пространства-времени (вспомним "хронотоп" М.М.Бахтина) и даже взаимодействовать, переплетаться друг с другом, что и может служить поводом для их ошибочного отождествления и подведения под одну и ту же *монистически толкуемую* социально-экономическую категорию.

Один из этих типов капитализма, который мы имеем право назвать *современным* в широком социально-философском смысле этого слова, поскольку с ним связана та самая "современность", в какой мы еще живем и каковая до сих пор определяется странами, задающими нынешнему миру сегодняшние "стандарты цивилизации", возник на Западе в XVII в. как высокопродуктивный промышленный капитализм, методически добывающий свою прибыль на путях внедрения и расширения *массового производства* продукции, *жизненно необходимой* для неуклонно растущего населения европейских стран. И другой, который точнее было бы назвать *архаическим*, поскольку он возник задолго до современного капитализма, причем не только в Европе, где предпочитал искать отдаленные предназначения и истоки *нынешнего* капитализма В.Зомбарт, но прежде всего — и главным образом — в неевропейских странах: в Древнем Китае, Древней Индии и т.д.

Определяя "дух (современного) *капитализма*" в первой из своих статей на эту тему, положившей начало его классическому труду "Протестантская этика и дух капитализма", Вебер делает следующее характерное примечание к этим словам: "Мы имеем здесь, конечно, в виду капитализм как специфически западное современное рациональное предпринимательство, а не существующий во всем мире в течение трех тысячелетий — в Китае, Индии, Вавилоне, Древней Греции, Риме, Флоренции и в наше время — капитализм ростовщиков, военных поставщиков, откупщиков должностей и налогов, крупных торговых предпринимателей и финансовых магнатов"*. Характеризуя то же типологическое различие современного и архаического капитализмов в историко-генетическом аспекте (в другом примечании, опять-таки направленном против В.Зомбарта), автор "Протестантской этики" пишет: "Все источники того времени (речь идет о временах У.Петти. — Ю.Д.) без исключения характеризуют

---

* Вебер М. Избранные произведения. М. 1990. Далее в скобках указываются номера страниц данной книги.

пуританских *сектантов* — баптистов, квакеров, меннонитов — как представителей либо неимущих, либо мелкобуржуазных слоев общества и противопоставляют их как крупному торговому патрициату, так и финансистам авантюристического склада. Однако именно в этой мелкобуржуазной среде, а не в кругах крупных финансистов — монополистов, поставщиков и кредиторов государства, колонизаторов и promoters — возникло то, что *характеризует* капитализм Запада: специфически буржуазная организация промышленного труда внутри частного хозяйства" (268). Речь идет в данном случае об одном из мест "встречи" двух типологически различных капитализмов, которая, как подчеркивает М.Вебер в аналогичной связи, далеко не всегда протекала бесконфликтным образом (260).

Как видим, категорическое утверждение В.Вебера — "Капитализм существовал в Китае, Индии, Вавилоне в древности и в средние века" (74), которое неизменно шокировало марксистскую ортодоксию уже в самом начале "Протестантской этики" (в разделе, посвященном "Постановке проблемы"), вовсе не относилось к числу случайных заявлений автора этой книги. Как свидетельствуют неоднократные, с упорством и настойчивостью повторяемые сноски к ее основному тексту, посвященные полемическому развитию темы двух типологически различных капитализмов, она внутренне — органически — сопряжена с центральной идеей "Протестантской этики" — идеей специфики современного капитализма, предвосхищенной (и во многом predetermined) историческим своеобразием его генезиса.

"Для нас, — пишет М.Вебер, резюмируя суть своей постановки вопроса в "Предварительных замечаниях" к своему трехтомному "Собранию статей по социологии религии" (первый том, половину которого заняло новое издание "Протестантской этики", вышел в год его смерти — в 1920-й), — в чисто экономическом аспекте главной проблемой является не капиталистическая деятельность как таковая, в различных странах и в различные периоды меняющая только свою форму: капитализм по своему типу может выступать как авантюристический, торговый, ориентированный на войну, политику и связанные с ними возможности наживы. Нас интересует возникновение *буржуазного промышленного* капитализма с его рациональной организацией *свободного труда*, а в культурно-историческом аспекте — возникновение западной *буржуазии* во всем ее своеобразии, явление, которое, правда, находится в тесной связи с капиталистической организацией труда, но не может считаться полностью идентичным ей" (53).

Однако, расшифровывая этот "культурно-исторический аспект" социологически (работа, которую продолжал Вебер в последующих томах трехтомника, а также в незавершенном труде "Хозяйство и общество"), автор "Протестантской этики" все дальше отходит от *чисто формальной* типологизации "капиталистической деятельности", в связи с чем открываются возможности толковать эту

типологию *более содержательным* образом. К этому подталкивает М.Вебера *содержательно-социологическое* наполнение понятия современного капитализма (в добавление к чисто экономическому), начало которому было положено все той же "Протестантской этикой", а также веберовской "антикритикой", постоянно побуждавшей автора переходить от "культурно-исторического" анализа генезиса капитализма к социологическому определению его сути. При этом разные типы архаической "капиталистической деятельности" — торговая, спекулятивная, ростовщическая, финансовая и т.д. — начали обнаруживать общие черты, отличающие ее от "капиталистической деятельности" *современного* типа.

Во-первых, это не производительный, а *потребительский*, в лучшем случае, — чисто *распределительный* характер "капиталистической деятельности". Во-вторых, это деятельность, для возникновения которой *не требуется* определенный нравственно-религиозный *переворот* (реформация). Для того чтобы она возникла, достаточно определенной степени *разложения* господствующей религиозности, позволяющей *дистанцироваться* от нее. Известного рода скептицизм, не предполагающий возникновения чего-то нового взамен разлагающегося этоса, а, вернее, *индифферентизм*, обеспечивающий "этическую нейтральность" этого рода "капиталистической деятельности" ("деньги — не пахнут"), — вот что необходимо для его возникновения. Отсюда, в-третьих, своего рода "автоматизм", с каким возникает этот род "капиталистической деятельности" каждый раз, когда рыночные отношения достигают определенной степени развития, не предполагающей, кстати сказать, качественного изменения существующей формы и структуры производства. Он "индифферентен" и к ней, а потому приживается в условиях доминирования самых разнообразных производственных форм и структур, в особенности же — в "интермедиях", образующихся между ними. Все это, вместе взятое, и обеспечивает то, что у нас принято называть "стихийностью" генезиса и развития капитализма, хотя в точном смысле этот эпитет применим именно к архаическому капитализму, в отличие от современного, о "стихийности" возникновения и эволюции которого можно говорить лишь весьма условно, противопоставляя ее — идеологически толкуемой — "планомерности" построения и функционирования тоталитарно-"социалистической" экономики.

Наконец, в-четвертых, для "капиталистической деятельности" архаического рода характерно то, что она разлагает те социокультурные формы, в "порах" которых возникает, *не создавая новых*, чего нельзя сказать о современном капитализме, который утверждался взамен разлагаемых или вытесняемых им структур и формообразований "традиционного общества" как действительно новая социально-культурная "формация" со своим собственным продуктивно-творческим принципом — принципом богоугодности промышленного труда, профессионального долга и ответственной инициативы. И

действительно: на основе современного типа "капиталистической деятельности" возникла целая цивилизация, тогда как архаический род аналогичной деятельности, хотя и приводил подчас к "сколачиванию" огромных капиталов и накоплению "несметных сокровищ", однако не мог предложить *миросозидательного* принципа — из тех, что порождают целые социальные миры. И для того, чтобы *негативная* энергия "капиталистической деятельности" архаического типа была хоть как-то укрощена и использована в созидательных целях, нужно было подчинить ее более высокому принципу, который и выдвинул современный — продуктивный, промышленный — капитализм. В значительной степени это ему удалось, хотя "борьба за признание" (вспомним это гегелевское выражение) между ним и архаическим капитализмом, в ходе которой осуществлялось "культивирование" последнего, вновь и вновь обнаруживавшего черты дикости и варварства, продолжается до сих пор, причем — "с переменным успехом".

Таким образом, на заднем плане "различных типов" архаической "капиталистической деятельности" прорисовалось то общее и определяющее, что позволяет их все, вместе взятые, сопоставить с современным типом капитализма, интерпретируя это сопоставление не генетически-эволюционно, как это норовил делать даже В.Зомбарт, испытывавший искушение неокантианским идиографизмом, а структурно-типологически, что предполагает и соответствующий — остроконфликтный — характер их взаимоотношений, когда им случается "встретиться" в одном и том же "хронотопе". Вот почему, интерпретируя веберовскую типологию капитализма в содержательно-социологическом ее аспекте, мы получаем возможность говорить прежде всего о двух "родах", или основополагающих "типах", капитализма — архаическом и современном, относя все то, что связано у М.Вебера дальнейшей (формальной) типологизацией архаической "капиталистической деятельности" *как таковой*, к типизации второго порядка: выделению "подтипов". Например: подтип, связанный с чисто "авантюристической" (разбойничьей или, как сказали бы сегодня, криминально-"мафиозной") деятельностью по образованию капитала; преимущественно торговый (перепродажа готовой продукции, уже кем-то созданной, включая и перепродажу краденого), исключительно ростовщический (продажа и перепродажа денег и сдача их "в наем"); главным образом крупно-"финансовый" (связанный с субсидированием государства, откупом налогом, военными поставками) и т.д. и т.п. Все эти подтипы "капиталистической деятельности" архаического типа, вновь и вновь детализируемые и уточняемые, упоминаются М.Вебером каждый раз, когда он противопоставляет этот специфический род деятельности тому, который выдвинул, освятил и поставил по главу угла современный капитализм, родившийся именно в Европе и именно в XVII в. нашей эры.

Хотя вместе с разговором об особенностях архаического капитализма мы ушли, казалось бы, в совсем уж "седую древность", на самом же деле, сами того не заметив, углубились в актуальную —

прямо-таки злободневную — проблему. В самом деле, разве такие элементы капиталистической "архаики", как авантюрно-мафиозный капитализм, торгово-спекулятивный, ростовщически-"финансовый" и т.д., не воспроизводятся у нас в массовом масштабе под крылышком "экономической реформы", — причем *прямо пропорционально* падению промышленного производства и пауперизации населения страны? Любопытно, что в нашем общем *сознании* (в отличие от "научного" сознания наших особенно радикальных экономистов, обнаруживающих здесь принципиальную слепоту) при характеристике того нового, что внесла в нашу жизнь "экономическая реформа", звучат те же *ключевые слова*: криминальный капитализм, спекулятивный капитализм, торгово-перекупочный капитализм, "прихватизаторский" капитализм и т.д.

В то же время слова и понятия, которые обозначили бы *развитие* промышленного капитализма, если и встречаются в нашем нынешнем обиходе, то, как правило, со знаком "минус" — в качестве прискорбных констатаций продолжающегося *отсутствия* такового в *сколько-нибудь значимых* размерах. Это отсутствие поражает своим "звонением" тем более, что для возникновения у нас капитализма современного типа созданы, *казалось бы*, вполне благоприятные "стартовые условия" (если иметь в виду, разумеется, Марксову схематику "первоначального накопления"). С одной стороны, число миллионов (если считать в долларах) и миллиардеров (если считать в рублях), поражающее даже выдавших виды западных наблюдателей, свидетельствует о том, что в стране уже создан — благодаря неустанным заботам "властей предрежущих" — стартовый капитал, который *мог бы*, будучи вложенным в промышленность, привести к упомянутому развитию. С другой стороны, тотальное падение промышленного производства прежнего типа, больше напоминающее его развал (который поначалу готовили сознательно — вспомним предреформенные манифесты наших радикал-экономистов, — а теперь просто не могут остановить), обеспечивает *вроде* "зеленую улицу" для такого развития.

Однако "экономического чуда" не произошло: спекулятивно-ростовщический и торгово-авантюрный капитал "не пожелал" устремиться в промышленность. (Да и какой дурак откажется от прибыли, измеряемой сотнями (и даже тысячами) процентов, ради сакраментальных шести процентов, из-за которых, по словам К.Маркса, капиталист (западного типа, как уточнил бы М.Вебер) готов разбиться в лепешку?) А если он и совершал туда кавалерийские набеги, то вовсе не для того, чтобы, вложив свои деньги в промышленность, издыхающую без инвестиций, развить ее — "на новой социально-экономической базе", — но только затем, чтобы распродавать ее по кускам как металлолом "зарубежным партнерам". И складывается вполне обоснованное впечатление, что действительно новое, внесенное в нашу жизнь демократами-реформаторами и лидерами, приведенными ими к власти, заключается в решительной победе торгово-

авантюрного капитала над промышленным, представляющей собой исторический реванш капитализма архаического типа, который еще на заре Нового времени был побежден (и подчинен) современным, высокопродуктивным капитализмом. Удастся ли нашей "больной", как ее сегодня называют, экономике оправиться от этого катастрофического поражения (сравнимого лишь с тем, какое нанесла националистическая реакция*, прикрывавшаяся демократическим лозунгом "суверенитета", стране в целом), покажет будущее.